

ПРАВОСЛАВНЫЕ АРМЯНЕ И АРМЯНО-ВИЗАНТИЙСКАЯ КОНТАКТНАЯ ЗОНА

В. А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН

Изучение армяно-халкидонитской общины приводит автора статьи, вопреки традиционной точке зрения, к выводу о ее ключевой роли в армяно-византийских отношениях эпохи средневековья.

Многовековые отношения Византии и Армении в определенной мере уникальны. Армения бывала в разное время и восточной соседкой, и вассальной страной, и восточной провинцией империи. Политические границы Армении и Византии всегда были нестабильны, а культурные — прозрачны. Армяно-византийские отношения, всегда находившиеся в зоне контакта, не всегда конституировали синтезную контактную зону. Но в VI–VII вв. и X–XI вв. в армяно-византийском пограничье возникает новая общественная модель, для которой характерны общая территория, общая государственность, взаимодействие этносов и культурное взаимодействие, где в результате появлялись синтезные феномены в области политики, конфессии и культуры.

Магистральные социо-культурные процессы в контактной зоне определялись синтезом армянских и византийских общественных, политических и хозяйственных институтов и форм идеологии¹.

Феномен армяно-византийской контактной зоны на границе соприкосновения двух цивилизационных ареалов органично включал в себя, как необходимую составляющую, культуру армян-халкидонитов, редкий для средних веков тип, открытый для интеркультурного обмена.

Изучение армяно-халкидонитской общины, обычно рассматривавшейся как нечто второстепенное в среде и судьбе армянского этноса, обнаружило факты, опрокинувшие этот традиционный подход. Армяне-халкидониты обеспечивали, как выяснилось, непрерывные контакты Византии и Армении, Армении и Грузии, и создавали особую культурную среду. Причем яркого расцвета армяно-халкидонитская культура достигла в VI–VII и X–XI вв. на территориях, вошедших в состав Византийской империи. В конце VI–VII вв. халкидонитство

---

¹ Работа выполнена в рамках фундаментальных исследований Президиума РАН «Геополитические факторы в развитии древнерусского государства».

¹ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.

имело статус официальной религии, и православные армяне отождествляли себя со своей страной, с ее духовными ценностями и приоритетами, но в то же время считали Армению частью Византийской империи².

Православный вариант армянской культуры в этот период времени достигает пика влияния: Армянская церковь находилась в общении с Константинополем, армянский патриарший престол в VII в. занимали три католикоса-халкидонита: Езр Паразнакертци (630–641), Нерсес III Строитель (641–661) и Саак III Дзоропореци (677–703). В армяно-византийских лимитрофах происходил процесс определенного отождествления армянского субстрата с греко-византийским миром в конфессиональном, культурном и лингвистическом аспектах. Билингвизм армянских интеллектуалов-эллинофилов нашел широкое распространение в Армении, особенно в православной общине, появились такие произведения как «Повествование о делах армянских» (VII в.) и антимонофиситские инвективы, написанные на своеобразном арменизированном греческом языке³.

В грекофильской редакции «Жития св. Григория», которое вошло в «Историю Армении» Агафангела, воплощена идея объединения восточных христианских народов их общим рождением во Христе, трудами одного Просветителя и при покровительстве одной великой христианской державы — Византийской империи. Халкидонитская редакция Агафангела также утверждает высокий церковный идеал: «веру в братство христианских народов и их духовное процветание вне национальных особенностей», унаследованный от предшествующей грекофильской редакции. Сильное греческое влияние не только создало тип миссионера, связанного с Кесарийской Церковью, но и сумело обеспечить ему общее признание в Армении. Национальные писатели развивали упрочившуюся к их времени славу св. Григория как всеармянского Просветителя⁴.

В Армении доарабского периода население, в особенности православное, достаточно непринужденно пользовалось греческим языком. Однако двухвековое присутствие арабов сблизило армяно-монофиситскую и армяно-халкидонитскую общины перед лицом наступающего ислама.

Православные армяне VII в., жившие в армяно-византийской контактной зоне, были достаточно глубоко погружены в мир греческой культуры и греческого языка, в то время как после арабского нашествия армяне-халкидониты (IX–XI вв.), декларируя свою преданность «греческой земле, греческой вере и греческому языку», были настолько давно отторгнуты от «греческой земли», что уже не так свободно пользовались и греческим языком⁵. Но появилась и еще одна существенная причина изменений в оформлении сочинений православной традиции. Армяне-халкидониты VII в., принадлежавшие к победившей в этот

² Арутюнова-Фиданян В. А. «Повествование о делах армянских» (VI в.). Источник и время. М., 2004. С. 134–136.

³ Там же. С. 19–59.

⁴ Март Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием // Записки восточного отделения Импер. Рос. арх. об-ва, 1905. № 6. С. 156, 180–182.

⁵ Послание к католикосу Захарии // Православный палестинский сборник. СПб., 1892. Т. 2. С. 183. На армянском языке дошли до нас «Послание к Захарии» Псевдо-Фотия, «Ширакаванское досье», «Хнагреанк» Тиграна Пахлавуня (Арутюнова-Фиданян В. А. «Повествование о делах армянских». С. 105–132).

период Церкви, очевидно, не считали своей главной целью обращение соплеменников. Однако с утратой превалирующего положения в Армении армяно-халкидонитская община включает в свои задачи полемическую и прозелитскую деятельность, в особенности в конце X–XI вв., когда большая часть Армении вошла в состав Византийской империи.

На втором этапе существования армяно-византийской контактной зоны (X–XI вв.) халкидонитская идеология представляла определенную опасность для Армянской Церкви (существовало большое количество армяно-халкидонитских епархий)⁶, однако армяно-халкидонитская Церковь как организация утратила свои позиции. Анализ этно-конфессионального самосознания армян-халкидонитов показал, что в самой Армении и сопредельных с ней регионах православные армяне сохраняли родной язык и культуру, обусловленное же вероисповеданием обладание еще двумя языками делало их открытыми для культурных влияний Византии и Грузии, а также определяло их конфессиональную терпимость даже на уровне государственном, когда представители армяно-халкидонитской знати занимали ведущие посты (доместиков, дук, катепанов, стратигов) в контактной зоне. Армяне-халкидониты органично вошли в мир восточно-христианского православия, результатом чего явились их разветвленные международные связи, а также солидарность с византийским универсализмом.

Культура армян-халкидонитов, являвшаяся синтезом армянской и греческой (позднее грузинской) традиций на национальной армянской почве, была открытой культурой. Именно в этот период начинает выявляться важнейшая тема армяно-халкидонитской идеологии — единение христианских конфессий, в процессе сближения которых армяне-халкидониты могли претендовать на ведущую роль посредников. Иными словами, эта группа уже в средние века предвосхитила некоторые современные идеи вселенской религиозной терпимости⁷.

Мой исследовательский интерес всегда был преимущественно сосредоточен на этих двух этапах функционирования армяно-византийской синтезной контактной зоны и, соответственно, на роли армяно-халкидонитской общины именно в эти периоды времени. И я не ставила специально проблему деятельности армяно-халкидонитской общины в промежутке между двумя этапами, а между тем в это время арабское нашествие прерывает почти на два столетия политические и конфессиональные связи между Арменией и Византией, а Армянская Церковь окончательно вырабатывает самостоятельную церковную политику

⁶ Увеличение в XI в. числа халкидонитских епархий в Сирии, Месопотамии, Каппадокии, Армении — свидетельство увеличения членов армяно-халкидонитской общины. Армяно-халкидонитские епархии, возобновленные или вновь основанные во время экспансии Византии, дислоцировались на главных магистралях, идущих через Армению и соседние с ней малоазийские области, на путях торговли и войны. Они находились на водных магистралях (Шариан, Келкит, Сарчамадзор — на р. Гайл, Лерион — на Цанаходзоре, Керчанис — на одном из притоков р. Гайл, Доневанк — на р. Арацани, Ликопотамия — между двумя реками: Гайл и Даройнк — на притоке р. Аракс и т. д.), у горных перевалов (Хавчич, Серманц), в крепостях (Баберд, Еланц-берд, Севук-бердак, Аруч, Амюк и т. п.), в крупных городах, центрах торговли и ремесла (Ерзнка, Муш, Маназкерт, Арчеш, Арцке, Беркри, Ван, Востан, Ани, Карс) (Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона. С. 63–64).

⁷ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона. С. 64–74; 78–92.

ку (Маназкертский Собор 726 г.)⁸. Армяне-халкидониты начинают переселяться из Центральной Армении в Малую Азию, Сирию, Месопотамию, Каппадокию, где издавна существовали армяно-халкидонитские общины и где православие получало всемерную поддержку со стороны имперских властей, чем усиливают армяно-халкидонитской элемент в этих провинциях при иерархической зависимости от Константинополя. В тех областях Армении, которые граничили с Грузией, православные армяне становятся в зависимость от грузинской Церкви. Армяне-халкидониты появляются в грузинских и греческих монастырях на Афоне, Черной горе, в Палестине⁹.

Арабское присутствие усиливает эмиграцию не только представителей православной, но и монофиситской общины, армянская знать заняла важное место в составе господствующего класса Византии, армянские аристократы вступали в брачные союзы с виднейшими фамилиями империи и обладали значительными земельными владениями. Их административные функции были преимущественно военными, службу они несли и в Италии, и на Балканах, но в особенности на Востоке. Армянские общины появляются по всей территории империи, армяне служат в армии, живут в крупных городах, монашествуют в византийских монастырях. Однако служба в византийской армии и на гражданских постах империи, и в особенности при дворе, предполагает принятие армянами халкидонского символа веры.

Армяне-халкидониты продолжают полемическую богословскую деятельность как в Армении, так и в Византии.

В начале IX в., когда Северная Армения (Тайк и Кларджия) была в основном в руках халкидонитов, они надеялись достичь торжества в центральной Армении. Была сделана попытка обратить в халкидонитство членов Багратидского дома. В Армении появился Феодор Абукура (Епикура), епископ Харранский, известный на Востоке поборник православия, очевидно, призванный местными халкидонитами, и обратился с проповедью к князю Ашоту Багратиду. По свидетельству Вардана Великого (XIII в.), Абукура потерпел поражение в дискуссии с монофиситами¹⁰.

Патриарх Фотий (858–867; 877–886) вел активную переписку с армянами. Он писал католикосу Захарии Дзагеци (855–876), князю князей Ашоту Багратуни и таронитам, приверженцам халкидонитского вероисповедания.

При патриархе Фотии происходит интенсификация армяно-византийских связей государственных и конфессиональных. Появляется греческая версия Агафангела, и житие Григория Просветителя включается в менологий Симеона Метафраста, в Константинополе открываются реликвии армянских святых эпохи всеобщей Церкви.

⁸ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971. С. 338.

⁹ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. С. 57, 68, 75–77. В библиотеке монастыря св. Екатерины на Синае была обнаружена арабская (халкидонитская) редакция «Жития св. Григория» (Тер-Гевондян А. Н. Новонайденные арабские редакции «Истории Армении» Агафангела // Письменные памятники Востока. М., 1981. С. 105–109).

¹⁰ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи. С. 57.

В нескольких армянских рукописях сохранились документы Собора, состоявшегося (как в них указано) в 311 г. армянского летосчисления (25 апреля 862 — 24 апреля 863 г.) в Ширакаване. Архиепископ Ники Ваан, по свидетельству этих рукописей, произнес на Соборе нечто вроде обширной речи об исповедании веры, в которой основное внимание уделяется вопросу о соединении естеств во Иисусе Христе. Очень своеобразна композиция речи Ваана (или Иоанна). Он излагает учение о каждом лице Троицы и их взаимоотношениях, говорит о сотворении мира, видимого и невидимого. Неожиданно повествование разрывается пятнадцатью анафемами, направленными против различных ересей, в том числе против монофиситов (анафемы 6 и 7) и хулителей Халкидонского Собора (13—14)¹¹. После анафем изложение речи плавно продолжается, подробно раскрывается догмат воплощения и соединения во Иисусе Христе двух естеств, и заканчивается речь опровержением еретических мнений по этому поводу¹². Арменоведы полагают, что досье Ширакаванского Собора дошло до нас в неисправном виде, т. к. ясно, что 15 анафем представляют собой самостоятельный раздел, случайно (намеренно?) интегрированный в речь Иоанна, но исследователи не знают, считать ли анафемы принятыми или отвергнутыми актами собора¹³, поскольку так называемые «акты Ширакаванского Собора» не вошли ни в одну из кодификаций армянского канонического права¹⁴. Об этом Соборе нет сообщений и в армянской историографии, а те сведения, которые сообщают Тигран Пахлавуни (XI в.) и Вардан Великий (XIII в.), восходят к вариантам того же «Ширакаванского досье». Тигран датирует Собор 862 годом, а Вардан Великий — 318 г. армянского летосчисления (23 апреля 869 — 22 апреля 870 г.). Тигран и Вардан именуют посланца Фотия Йоханом (Иоанном) архиепископом Nikei, а Ашот в их произведениях носит титул не спарапета (на этом посту Ашот был до 862 г.)¹⁵, а ишханац ишхана (князя князей). Вардан Великий сообщает, что Иоанн доставил католикосу Захарии «Послание» Фотия и приводит выдержки из него¹⁶. А между тем все другие армянские источники сообща-

¹¹ Ответные заявления армян. Православный палестинский сборник. 1892. Т. 11. Вып. 31. Ч. 1. С. 196, 246.

¹² Там же. С. 196—210; См. также : Handes Amsoreay (далее — НА). 1968. Т. 82. № 7—9. Ст. 257—280 (издание Н. Акиняна).

¹³ Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX—XI вв. М., 1988. С. 262.

¹⁴ Тигранян С. Древнеармянская книга канонов. Очерки, описания и исследования памятника // Записки Российской Академии Наук, 1918. Серия 8. Т. 13. № 3; Армянская книга канонов / Критическое издание В. А. Акопяна. Т. 1. Ереван, 1964; Т. 2., Ереван, 1971 (на арм. яз.); Shirinian M. E. Muradian G. The Armenian collection of the Ecclesiastical canons // Христианский Восток. 1999. Т. 1 (7). С. 124—154. См. указ. литературу.

¹⁵ Новонайденный отрывок из неизвестной истории Тиграна Пахлавуни // Кавказ и Византия, 1987. Вып. 5. С. 147 (на арм. яз.). Далее : Тигран Пахлавуни; Вардан Бардзрабердаци Великий. Всеобщая история. М., 1861 С. 112. (на арм. яз.). Исследователи отождествляют этого Иоанна с автором трактата о Рождестве Иисуса, адресованного Захарии, католикосу Великой Армении (cod. Sin. gr. 1699). Действительно ли некий Иоанн занимал епископскую кафедру Ники, мы не знаем. Существует предположение, что Иоанн мог занять эту кафедру после смещения Фотием Никифора, однако в 867 г. кафедру Ники занимал тот же Никифор (Россейкин Ф. М. Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад, 1915. С. 250. Прим. 3).

¹⁶ Вардан. С. 112 и сл.

ют только об одном письме Фотия в Армению — а именно к Ашоту Багратуни. Асолик после рассказа о воцарении Ашота отмечает: «В его дни жил армянский вардапет Саак, исполненный мудрости и познаний, написавший ответ на послание греческого патриарха Фотия»¹⁷.

В обширном эпистолярном наследии патриарха Фотия существует раздел, именуемый «перепиской с армянами», большая часть ее переиздана в середине 80-х годов XX в. Б. Лаурдасом и Л. Г. Вестеринком¹⁸. «Послание к католикосу Захарии», дошедшее до нас на древнеармянском языке, изданное А. И. Пападопуло-Керамевсом и переведенное на русский язык Н. Я. Марром¹⁹, издатели не включили в *Bibliotheca Teubneriana*²⁰, т. к., по мнению Б. Утье, оно «non potest Photii esse»²¹. Попытка найти ответ на вопрос, кому же принадлежит послание к Захарии, так долго (даже до настоящего времени) атрибутируемое Фотию и так точно легшее в канву интенсивного общения между Византийской и Армянской Церквями, может, как мне кажется, пролить новый свет на соотношение и взаимосвязи православных Церквей Христианского Востока.

В «Послании» армянский католикос почтен пышным титулом: «получивший высочайшее первонаместничество Великого Апостола Фаддея и престол Преблаженного Святого Григория, святой хранитель и законоучитель Араратской земли, блюститель северного народа и архипастырь Асканазского воинства»²².

«Послание» четко делится на две части: историческую и богословско-полемическую. Первая имеет целью показать, что Армянская Церковь в течение долгого времени, принимала Халкидонский Собор и даже, отвергнув его, не раз вступала в союз с Греческой Церковью. Вторая — утверждает недопустимость мысли о том, что вся Вселенская Церковь утратила истину и только армяне сохранили ее, и выясняет согласие Халкидонского Собора с тремя предшествующими. Богословское содержание этого письма в значительной степени выпадает из традиций общения между Армянской и Византийской Церквями, как общения-инвективы, так и общения-убеждения. Традиционные сюжеты переписки-убеждения между византийским патриархом и армянским католикосом в значительной степени трансформированы в «Послании». В такой переписке всегда есть вступление, где основная тема — постоянное стремление Греческой Церкви вернуть армян на путь истинный, излагается толкование халкидонского символа

¹⁷ Степаноса Таронеци — Асолика. Всеобщая история. Второе издание. СПб., 1885. С. 158 (на арм. яз.).

¹⁸ Photii patriarchae Constantinopolitanae epistulae et amphilochia / Rec. B. Laourdas et L. G. Westerink, BSB V.G. Teubner Verlagsgesellschaft. Leipzig, 1985. Vol. 3. (перевод армяноязычных посланий на латинский язык выполнен Б. Утье).

¹⁹ Православный палестинский сборник. СПб., 1892. Т. 11. С. 179–195, рус. пер. С. 227–245 (далее — «Послание»).

²⁰ Переиздано без лакун Н. Акиньяном в 1968 г. (НА 1968. Т. 82, №№ 1–3. Ст. 65–100; №№ 4–6. Ст. 129–156). Опубликована большая часть «Послания» в сборнике «Кавказ и Византия». 1987. Вып. 5. С. 147–155 (по изданию Н. Акиньяна).

²¹ Phot. Ep. III. P. 11.

²² «Послание». С. 179. Автор указывает также, что «благодать Божия с ранних времен дана нашей греческой земле и Святой Дух, начиная с первых же святых учителей, предпочтительно почил на греках, а также (видим), как они стяжали до пришествия Христа иную внешнюю мудрость» («Послание». С. 183, 231).

веры и осуждается Несторий, с одной стороны, и Диоскор, Евтихий и Севир — с другой, а также обсуждается прибавка к Трисвятой песне («иже распныйся за ны»)²³. Далее обычно идут проблемы литургии, причастия и поста, а в кратком заключении декларируется православие Халкидонского Собора²⁴. Ж. Даррузес, сравнивая «Письмо патриарха к католикосу» (XI в.) с «Посланием» к Захарии, отмечает лишь одно незначительное совпадение в тексте (упоминание об Иезекииле)²⁵.

В исторической части «Послания к Захарии», написанной «после достоверного исследования»²⁶, автор излагает историю четырех Вселенских Соборов и дальнейших конфессиональных взаимоотношений между армянами и греками. При этом сведения о V и VI Вселенских Соборах неточны хронологически и событийно, с очевидной целью соединить эти важнейшие для Вселенской Церкви события с ключевыми эпизодами собственно армянской истории. V Вселенский Собор связывается с именем Вардана Мамиконяна, который поднял восстание против персидского марзпана Сурена, потерпел поражение и бежал в Византию при Юстиниане I, однако V Вселенский Собор состоялся в 553 г., а марзпан Сурен был убит в ходе восстания 572 г.

VI Вселенский Собор датируется в «Послании» царствованием Маврикия и связывается с прибытием в Византию Мушега Мамиконяна²⁷. В действительности VI Вселенский Собор, осудивший монофелитов, состоялся не при Маврикии (582–602), а при Константине IV Погонате (668–685) в 681 г.

«Послание», направленное, если верить заголовку, Фотием католикосу Захарии и призванное богословскими и историческими доводами доказать случайность отделения Армянской Церкви от Вселенской, изобилует многочисленными ошибками в хронологии и, что особенно удивительно, в датировке Вселенских Соборов.

«Защитникам аутентичности «Послания», — отмечает Ж. Гаритт, — придется объяснить необъяснимый парадокс: наиболее сведущий из византийских патриархов вынужден искать в армянском источнике сведения не только об Армянской Церкви, но и по истории собственной Церкви, и в этой истории, которую он знал как никто другой, множество данных совершенно очевидно недостоверны»²⁸.

Автор «Послания» считает, что Халкидонский Собор (451 г.) состоялся на пятнадцатом году после смерти католикоса Саака Партева²⁹, т. е. в 454 г., т. к. католикос Саак скончался 15 сентября 439 г. Существует в «Послании» и еще одна дата Халкидонского Собора, также неточная: «462 г. от Воскресения Господа нашего Иисуса Христа», то есть 495 г. (462+33). Автор полагает также, что «от

²³ Там же. С. 194–195, 244–245.

²⁴ *Darrouzès J.* Trois documents de la controverse gréco-arménienne // *Révue des études byzantines*. 1990. Т. 48. Р. 100–101, 104–131.

²⁵ Там же. С. 91.

²⁶ «Послание». С. 180.

²⁷ «Послание». С. 182.

²⁸ *Garitte G.* *La Narratio de rebus Armeniae*. Louvain, 1952. Р. 375.

²⁹ «Послание». С. 180.

второго года царствования императора Маркиана и от Халкидонского Собора до нас 444 года»³⁰.

454 г. или 495 г. как даты Халкидонского Собора, конечно, не верны, но гораздо интереснее то, что автор «Послания» в сущности датирует свое собственное произведение (указывая, что от Халкидонского Собора до его времени — 444 года) или 898 годом (454 + 444) или 939 годом (462 + 33 + 444) от Рождества Христова, т. е. годами, когда Фотия уже не было на свете³¹.

Исследователи продолжают утверждать, что послание к Захарии принадлежит если не Фотию, то армянам-халкидонитам из окружения Фотия. Вспомним, однако, о неправильной датировке Вселенских соборов, о плохой осведомленности относительно внутриимперских событий и, напротив, о достоверных сведениях по армянской истории, о том, что V и VI Вселенские Соборы автор тенденциозно стремится связать с важными событиями армянской истории. Ни византийская историческая традиция, ни какая-либо иная не связывают, насколько мне известно, эти события. В армянской историографии ту же версию о созыве V Собора поддерживает Вардан Великий, т. к. халкидонитская традиция трактует созыв Пятого и Шестого Соборов как авторитетное средство для убеждения армян примкнуть к имперской ортодоксальной Церкви.

В «Послании», как обычно в армянской средневековой литературе, армянский католикос стоит в одном ряду с первосвященниками христианского мира: патриархами Рима, Константинополя, Антиохии, Александрии, Эфеса, Иерусалима³². Тесные связи с местной армянской традицией отражаются также и в употреблении армянского летосчисления³³.

Совокупность вышеупомянутых аргументов дает возможность полагать, что «Послание» было подготовлено армянами-халкидонитами на армянском языке и в самой Армении.

Стремление приписать «Послание» Фотию или его окружению (армянам-халкидонитам Константинополя) вытекает из неперемennого желания арменоведов считать «Послание» фактом армяно-византийских церковных отношений³⁴, между тем как оно, очевидно, являлось свидетельством внутриармянских коллизий, взаимоотношений между армянами-монофиситами и армянами-халкидонитами. Последние использовали в своей борьбе имя и авторитет патриарха Фотия. Почти в то же время появляются письма, также приписываемые Фотию, которые должны были легитимизировать программное «Послание к Захарии».

³⁰ «Послание». С. 186.

³¹ Ф. М. Россейкин датирует смерть Фотия 897 г. Другие исследователи относят его кончину к 891 г. (*Россейкин Ф. М. Указ. соч. С. 3–4, прим. 2*).

³² Иоанн Драсханакертци, приводя доводы в пользу учреждения католикосата в Армении, пишет: «Царь Аршак и нахарары армянские, набравшись смелости, посадили на патриаршество дома Торгомова Великого Нерсеса, приведя в качестве оправдательного довода то, что народ Асканазов был господом дан в удел святым апостолам нашим Варфоломею и Фаддею для проповеди и благовествования, мощи их находятся у нас, и престол их принял живой мученик Григорий. По осуществлении сего замысла образовались купно семь патриаршеств, которые существуют и останутся на вечные времена» (*Иованнес Драсханакертци. История Армении. Ереван, 1986. С. 68*).

³³ «Послание». С. 181 и сл.

³⁴ *Юзбашян К. Н. Указ. соч. С. 267.*

В письме, условно именуемом «О ереси теопасхитов», автор упоминает о том, что «Фотий отправил послание католикосу Захарии», и о том, что Фотий послал архиепископа Ники Иоанна на Ширакаванский Собор, и в результате миссии последнего часть армян перешла в «правильную» веру. О «Послании к Захарии» упоминается и в «Письме к армянам», также приписываемом Фотию³⁵. Совершенно очевидно стремление местной армяно-халкидонитской общины ввести «Послание» в культурную канву армянского мира, и это стремление явно увенчалось успехом, поскольку «Послание» Фотия к Захарии упоминают более поздние писатели Самуэл Анеци и Вардан Великий³⁶.

Арменоведы по большей части считают «Послание» Псевдо-Фотия, миссию Иоанна и Ширакаванский Собор реальными событиями³⁷. И действительно, аутентичность «Ширакаванского досье» и, соответственно, реальность Ширакаванского Собора непосредственно зависят от аутентичности «Послания» к Захарии и реальности миссии Иоанна как эмиссара Фотия в Армении. К. Максудян делает попытку упрочить место Ширакаванского Собора в армянской истории, считая, что до католикосата Анании (943–967), занявшего жесткую антихалкидонитскую позицию, в Армении наблюдалась «терпимость к халкидонитским элементам»³⁸. Даже оставляя в стороне сомнительную формулировку положения халкидонитской общины в Армении, трудно согласиться с тем, что позиция любого католикоса (халкидонита или антихалкидонита) могла заставить таких эрудированных, скрупулезных и имеющих доступ к архивам Армянской Церкви историков, как Иоанн Драсханакертци (X в.) и Степанос Таронци (X в.), пропустить в изложении истории Армении такое событие, как Собор Армянской Церкви. И еще более невозможным представляется исключение актов Всермянского Собора из «Книги канонов». Иными словами, существуют обоснованные сомнения в действительном проведении Ширакаванского Собора.

Маврикий, Иракий, Фотий, Нана и др. — фигуры вполне реальные и реально участвовавшие в политической жизни и конфессиональной борьбе в Армении, становятся еще и символами, литературными персонажами, которые вводятся одной, а иногда и обеими сторонами в богословскую полемику.

«Послание», подготовленное местной армяно-халкидонитской общиной от имени Патриарха Фотия, очевидно, должно было освятить авторитетом Вселенского патриарха планируемый этой общиной Собор в Ширакаване и было умело внесено в контекст действительного общения Фотия с армянами³⁹.

В X в. активизируется и деятельность армяно-халкидонитской общины Константинополя, Иосиф, член этой общины, в конце X в. перевел с греческого на армянский «Краткий годичный синаксарь» византийской церкви. Свой пере-

³⁵ Phot. Ep. III. P. 4–97; 172–174.

³⁶ Юзбашян К. Н. Указ. соч. С. 262.

³⁷ Акинян Н. Письмо патриарха Фотия католикосу Великой Армении // НА. Т. 82, 1968; № 1–3, ст. 65–100; № 4–6, ст. 129–156; Он же. Трактат Ваана, епископа Ники // НА. Т. 82, 1968, № 7–9 (на арм. яз.).

³⁸ Maksoudian K. The Chalcedonian issue and the early Bagratids: The Council of Širakawan // Revue des études arméniennes. 1988–1989. Т. 21. P. 333–344.

³⁹ Арутюнова-Фиданян В. А. Мнимые реальности богословской полемики в Армении IX в. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2005. С. 5–12.

вод, обогащенный дополнениями из армянских источников, Иосиф послал «в армянские земли, дабы читали и излагали деяния каждого святого». Из армянской халкидонитской среды происходит и также восходит к греческому оригиналу сохранившийся во фрагментах XI в. «Месяцеслов»⁴⁰.

Борьба за воплощение провозглашенного еще в VII в. православными армянами лозунга «Армянская Церковь — часть Восточно-Христианской ортодоксальной Церкви, а Армения — часть Византийской империи» велась в IX–XI вв., соответственно, не только в теологическом, но и в политическом пространстве.

Главы 43–46 «De administrando imperio» составляют особый раздел трактата Константина Багрянородного, который содержит не только разнообразные и в ряде случаев уникальные, но и достаточно достоверные сведения о Закавказском регионе IX–X вв. «Закавказское досье» — это современный Константину политико-дипломатический справочник, т. е. важный и надежный источник, что выгодно отличает эту часть «De administrando imperio» от других разделов трактата⁴¹.

В основе Закавказского раздела лежат прежде всего документы: архивные сведения, донесения агентов из ведомства логофета дрома и специальных дипломатических агентов, копии хрисовулов, посланных византийскими императорами таронским и ивирским Багратидам, отчеты должностных лиц и военачальников. Первый этап обработки некоторой части материала происходил, возможно, при Льве VI, часть черновиков была написана или отредактирована в первую декаду X в., а окончательно «Закавказское досье», по всей вероятности, оформлено на втором редакторском этапе, при Константине Багрянородном.

«Закавказское досье» отражает два приоритетных и взаимосвязанных направления восточной политики Византии при трех императорах: Льве VI (886–912), Романе I (920–940) и Константине VII (945–959) — усилия империи на заключительных этапах арабо-византийского противостояния (разгром или подчинение арабских эмиратов в Армении) и постепенное присоединение к импе-

⁴⁰ Акинян Н. Иосиф Константинопольский // НА. 1957. № 1–12 (на арм. яз.); Мурадян П. М. Культурная деятельность армян-халкидонитов в XI–XIII вв. // Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978. За 3–4 столетия памятник, переведенный Иосифом, подвергся шестикратной переработке, то избавляясь от текстов халкидонитского происхождения, то обогащаясь ими (Там же. С. 4).

⁴¹ Исследователи отмечают скудость сведений о русах (С. Франклин) и об Испании (Т. Лунгис), отсутствие систематических знаний и даже невежество ромеев в суждениях о Западе (П. Яннопулос, Э. Арвейлер, К. Манго) и т. п. Другие разделы труда, в той или иной мере касающиеся административного устройства империи (гл. 14–42), по большей части не содержат современного Константину материала. Предположение авторов лондонского комментария, что материал для большинства глав готовился одновременно со сбором материала для труда «О фемах» (т. е. тогда, когда замысел Константина VII относительно трактата «Об управлении империей» не созрел окончательно), по-видимому, вполне возможно, так же как и утверждение, что материалы этих глав фиксируют положение в империи на время до середины IX в. Напротив, главы 43–46 — это рассказ о тех политико-дипломатических и военных мероприятиях, которые начались при Льве VI, продолжались при Романе Лакапине и Константине Багрянородном и должны были послужить руководством к действию для его сына Романа, как это явствует из заключительного абзаца главы 46. (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. 2 / Ed. R. J. H. Jenkins. L., 1962. P. 2–5*).

рии владений Багратидов, союзников в арабо-византийских кампаниях. В этом разделе четко очерчены географические границы региона, находящегося в фокусе преимущественного внимания империи, отмечены наиболее перспективные города и крепости на путях торговли и войны (Феодосиополь, Артанудж), описаны основные этапы войн с арабами. В «Закавказском досье» рассмотрены также вассальные связи закавказских владетелей с империей, тщательно прослежены их родственные линии, отношения внутри княжеских фамилий, и скрупулезно зафиксировано дробление их родовых доменов. В ткань повествования введены не только реалии, но и идеологемы (легенда о происхождении Багратидов, аксиома первенствующего положения Багратидов Ширака среди закавказских владетелей, признание Византии естественной союзницей в борьбе с восточными соседями (император Ираклий и первые войны за Крест) и т. п.).

Исследователи указывают, что справочные материалы, попавшие в руки Константина, не претерпевали фундаментальных изменений. Мне представляется, что точность и скрупулезность при описании событий в Закавказье, их строгая датировка (не свойственная, в общем, труду Константина Багрянородного) объясняется тем, что черновики, представленные августейшему редактору (или редакторам), были составлены непосредственными участниками событий, армянами-халкидонитами на службе империи. Доместик схол Востока (главнокомандующий всех азиатских сил империи) Иоанн Куркуас, почти двадцать лет сражавшийся с арабами в северо-западной Армении и в районе оз. Ван, его брат Феофил, ставший стратигом Феодосиополя, Синут, переводчик Феофор, анфипат патрикий и великий этериарх Константин Липс и протоспафарий Крипит, связанные с началом присоединения Тарона к империи, так же как и другие представители армяно-халкидонитской аристократии, органично вошли в состав византийского господствующего класса, сохраняя тесные связи с правящими домами Армении.

Армянские информаторы «Закавказского досье» представляются наиболее вероятными не только потому, что армяне играли ведущую роль в военных и дипломатических акциях империи на востоке в этот период, но и потому, что в тексте мы встречаем лексические аргументы в пользу этого предположения (армянская средневековая стратификация, огласовка топонимов, близкая к армянскому языку, и уменьшительные формы личных имен, взятые из разговорной армянской речи).

Имперская ортодоксия гарантировала Константинополю лояльность его армянских дипломатов, военачальников и переводчиков, а их принадлежность к армянскому этносу, языку и культуре давала им возможность ориентироваться в армянском мире с легкостью, недоступной их греческим коллегам⁴².

Армянская аристократия, органично вошедшая в состав византийского господствующего класса (из среды которой вышли информаторы Константина), являет собой синтезный феномен — результат взаимодействия и взаимовлияния

---

⁴² Арутюнова-Фиданян В. А. «Повествование о делах армянских». С. 34–36. Она же. Комментарий к кн. «Константин Багрянородный. Об управлении империей». М., 1989. С. 424–425. Она же. «Закавказское досье» Константина Багрянородного // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXI Международному конгрессу Византистов. СПб., 2006. С. 5–18.

двух миров и двух культур. Именно эти люди сформировали идеологическую составляющую генезиса синтезной контактной зоны на втором этапе ее существования в X–XI вв.

Ключевые слова: средние века, Армения, Византия, халкедониты и монофиситы.

ORTHODOX ARMENIANS AND THE ARMENIAN-BYZANTINE CONTACT ZONE

V. A. ARUTYUNOVA-FIDANYAN

The study of Armenian Chalcedonian community leads the author to the conclusion that in spite of traditional point of view this community played a key role in the Armenian-Byzantine relationships in Medieval times.

Keywords: Medieval Age, Armenia, Byzantium, Chalcedonians, Monophysites.